

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шаевич

Истории от доктора

Отрывок из нового рассказа

(Продолжение. Начало в № 7, 8 – 2024)

Глава 3

Я сидела уже третий час у раскрытого окна, слушала звуки улицы, и не знала, с чего начать писать третью часть моего плана. Казалось, что так много всего прошло в жизни мимо меня, так много было упущено, не реализовано, не свершено, что мысли расплзались, растекались и стирались в сознании. Исчезали, как детский рисунок мелками на асфальте после дождя. У меня впереди всего несколько месяцев, и я не представляла, как можно уместить всё желаемое в столь короткое время. Все те маленькие мозаичные фрагменты, что мелькали калейдоскопом ярких картинок в моей голове. Мне казалось, что я – та маленькая девочка с цветиком-семицветиком из сказки, что читал мне отец в далёком детстве, у которой остался последний цветок на единственное самое-самое заключительное желание. И она мучительно не знает, что ей загадать. И всё же... Я собралась, настроилась и начала писать. Делала наброски, зачёркивала написанное и повторяла всё вновь. Наверное, со стороны мои записи показались бы отчасти наивными, отчасти смешными и даже глупыми, может банальными. Но это был мой список. И мои скрытые от всех мечты. А ещё нереализованные желания, которые я осмелилась нанести пока только на бумагу. Иллюзии, ожидания и предвкусения женщины, у которой осталось немного времени, чтобы всё успеть.

Да, конечно, можете насмехаться на здоровье, думайте обо мне, что хотите, но в списке ожидаемо стандартно была намешана довольно пёстрая взвесь из смутно-неосознанных интимных желаний и географических мест, куда я хотела бы отправиться. От бессмысленных и необдуманных поступков и кулинарных изысков до благотворительных вселенских проектов и баснословно дорогого нижнего белья.

Всё-таки доктор Фрейд был прав: большинство моих мыслей вращалось вокруг определённой темы. Попытаюсь объяснить. Ну, например, согласно исследованиям у каждой среднестатистической европейской женщины должно быть в жизни двенадцать сексуальных партнёров. В среднем. Значит мне осталось ещё шесть. По одному в месяц. Смешно. Как вам такие планы? Нет, мне не стыдно, и я не испытываю чувства неловкости. Просто я говорю вслух. С собой.

Очень хочется очутиться в Израиле. Меня уже давно необъяснимо тянуло в эту страну. Сейчас особенно. Искупаться в трёх морях, побродить по Иерусалиму, пообщаться с Ним у Стены Плача, сказать, что скоро буду, пусть ждёт. Просить прощения, наверное, уже поздно, ведь всё, что со мной произошло, не случайно. Может, я всё это заслужила. Я никогда не была яркой атеисткой, но и причислить себя к числу религиозно верующих людей не могла. Конечно, я традиционно заходила в церковь по праздникам или другим торжественным случаям. Но меня всегда смущало несоответствие общечеловеческого представления о Б-ге, о его ценностях, всепонимании и всепрощенчестве с религиозными ритуалами поклонения, придуманными и навязанными церковью. Если действительно существует некая высшая сила, предопределяющая ход событий и наших судеб, то почему у людей возникает такая несоразмеримая с обычной порядочностью потребность в поклонении. Кому это надо? Ему? Не знаю, не думаю, надеюсь, что нет. А отчего придумано такое разнообразие религиозных обрядов и показных способов доказать ему свою любовь. И потом, кто внушил адептам различных религий в разные

времена убийственную необходимость в физическом уничтожении инакомыслящих. И для чего нужна вся эта помпезность культа там, где более уместна индивидуальная личная вера каждого из нас? Где всё должно идти от сердца, глаза в глаза, без принудительных обрядов, принуждаемых к исполнению служителями культа.

Мне очень хотелось бы верить, что Он есть. Один, единственный для всех. В его благородное начало, в его всевидение, понимание и вселенскую справедливость. Но я хотела бы общаться с ним наедине, без посредников, без профессиональных продавцов места в очереди на покаяние.

Похоже, я всё же расфилософовалась и отвлеклась. Так, где я остановилась? Ах да, если попаду в Израиль, надо не упустить возможность познакомиться с еврейским мужчиной. Говорят, они неплохие любовники. Вот, видите, один из шести необходимых мужчин уже распланирован. Оказывается, я не потеряла способности шутить. Это обнадеживает и поддерживает.

Так, а теперь, где бы я ещё хотела побывать. Надо составить обязательный список, и от него танцевать. Очень хотелось бы в Австралию и Новую Зеландию. Хотя, наверное, не успею. Далеко, и одной недели на каждую страну не хватит. А впрочем, если поселиться у оперного театра в Сиднее и забронировать билеты на какое-нибудь представление, то недели вполне достаточно. А потом семидневный тур через всё Новую Зеландию с экскурсоводом. Времени должно хватить. Обязательно Нью-Йорк. Если подрастерять, чтобы там оказаться на Рождество, было бы здорово. Или на новогоднее празднование на Тайм-сквер. Выпить шампанское из бумажного стаканчика, захмелеть и целоваться со всеми подряд. Неплохо было бы отправиться в Южную Америку от Колумбии, Перу, Бразилии до Аргентины – стандартный набор джентльмена. Прогуляться по пляжу в Рио-де-Жанейро в купальнике из двух узких полосочек ткани и наслаждаться восхищёнными взглядами мужчин. Да, чуть не забыла, если уж набор клише, то обязательно Венеция. Мы давно хотели отправиться туда с моим... бывшим мужем, но так и не сложилось. Теперь придётся самой. Пока я рассуждала, меня не покидало ощущение какой-то скучной стандартной обыденности в моих мечтах. Сплошные туристические маршруты. Неужели ничего, кроме каких-то примитивных желаний посетить до сих пор невиданные места или необходимости переспать с неким количеством мужчин, чтобы сравняться со среднестатистической женщиной, мне ничего не взбредёт в голову? Одни штампы? Это у меня такая скудная фантазия, или на самом деле всё это совсем не то, что нужно человеку за пару месяцев до... конца. Может мне лучше снять маленький домик в отдалённой рыбацкой деревушке где-нибудь у моря на юге Италии, жить простой обывательской жизнью, питаться в местном ресторанчике простой и здоровой пищей, бродить по берегу, читать книги и думать о вечном... Может мне именно это надо? Я зачеркнула абсолютно всё, что написала в третьей главе до того, сделала себе зелёный чай и ушла гулять с собакой, оставив эту часть на завтра.

Глава 4

– Мадам, прошу. Куда Вас отвезти? – меня всегда удивляло, как водители такси в аэропорту определяют, откуда прибыл пассажир. Наверное, они знают расписание прибытия самолётов и пытаются опытным взглядом вычислить национальную принадлежность прибывшего.

– Мадам, у Вас на сумочке наклейка аэропорта Шарля де Голя,

– рассмеялся он в ответ на мой вопрос. Мы весело засмеялись уже вместе, и таксист вновь спросил на смешанном суржике из французских и английских слов, куда меня отвезти.

– Не знаю, куда-нибудь к морю, – наверное было в моём голосе что-то такое, что пожилой водитель, кажется бывший русский, судя по акценту, не стал переспрашивать и просто тронулся с места. А может он уже видел немало таких как я, приезжающих в этот город почти без багажа и без конкретной цели.

– Мы на набережной Яффо, если хотите, можем остановиться. Здесь в эти утренние часы ещё немногочисленно и море чистое. А там за углом есть неплохой арабский ресторанчик, в нём кормят вкусно и недорого, Вам понравится. Вы же наверняка проголодались с дороги, – этот водитель такси, оказалось, был ещё и хорошим психологом, – и, если позволите, мадам, я Вам порекомендую скромный, но уютный отель недалеко отсюда, пару минут пешком. Он, правда, не в центре, но совсем рядом с морем. Там тоже не очень дорого, зато вполне пристойно. Скажите, что от меня. И вообще, звоните, если нужно будет такси. Я работаю и в шабад, – он протянул свою визитку, взял деньги с хорошими чаевыми, поблагодарил, пожелал удачи, улыбнулся и уехал.

Водитель действительно оказался русским, судя по имени на карточке. Мне подумалось, что это хороший знак. Меня вообще не покидало ощущение ожидания чего-то непредвиденно-радостного. Я сидела прямо на бетонном ограждении у самой набережной, вдыхая незнакомый, какой-то вкусно-солёный запах моря и радовалась своему внезапному и достаточно авантюрному решению прилететь сюда, не строя планов и не бронируя гостиниц. Я почувствовала, что, действительно сильно проголодалась и отправилась искать тот самый ресторанчик. Так вкусно и много я не ела уже целую вечность. Суп с креветками, многочисленные соусы и намазки – сказочное объедение. И даже решила заказать себе какой-то удивительно аппетитный национальный десерт, чего не позволяла себе уже давно. А кофе! Какой там готовили кофе восточному в мангале с песком – просто сказка! Я сидела у моря, пила обалденный кофе, дышала полуденным тёплым, почти осязаемым воздухом и не хотела никуда уходить.

Маленький отель был скорее семейным пансионом на семь комнат, но там действительно оказалось чисто, уютно и недорого. И всего в ста метрах от моря. Владелица отеля жила прямо здесь во второй половине дома, расположенной во внутреннем дворе с небольшим садом и сама вела все дела, поэтому атмосфера в пансионе казалась по-домашнему уютной.

– Вы совсем без багажа? – хозяйка отеля была удивительно похожа на мадам Воизон, кажется мне стало везти на хороших людей. – Если желаете комнату с видом на море, то я распоряжусь её приготовить. Это немного дороже, зато вид какой! И даже кусочек Яффо просматривается. В этой части города, правда, не много туристов, нет больших магазинов и мало развлечений, зато тихо и спокойно. Если понадобятся продукты или другая помощь, мой сын на машине в Вашем распоряжении. Правда, он бывает дома нечасто, но всё же. Да и мы предлагаем ужин. Если захотите отведать местную кухню, по-моему очень вкусно, мы начинаем в шесть часов. Пожалуйста, не опаздывайте.

Это всё – и обращение, и сервис напоминали мне скорее какой-нибудь немногочисленный пансион в Италии или на юге Франции. Не иначе хозяйка мадам Висташи родом из Европы. Надо будет обязательно поинтересоваться у неё вечером за ужином.

Я чудесно выпалась с дороги, и когда солнце уже начало плавно опускаться за горизонт и стало чуть прохладнее, отправилась на поиски купальника, пары футболок и других необходимых туалетных принадлежностей. Покупать надо было всё, включая зубную щётку.

Я люблю купаться в море. Ни с чем не сравнимое удовольствие. Особенно нравится приходиться ранним утром или уже на закате дня. Загорать целый день на солнце – это не моё. Утром море ещё девственно-чистое, прохладное и освежающее. И мне кажется, в этот момент в моё тело вселяется частичка его силы, давая заряд бодрости и надежды. У меня возникает такое ощущение, что утром море обменивается со мной своими планами на наступающий день, чтобы вечером обсудить, что свершилось, а что нет. И уже на закате море делится со мной последним теплом своих волн, лаская и убаюкивая перед сном. Я стояла лицом к заходящему усыпавшему солнцу, погрузившись в воду, и чувствовала, как моя душа начинает потихоньку успокаиваться, оттаивать и пытаться примириться со случившимся.

Пошла уже вторая неделя моего прибывания в Тель-Авиве, в Израиле. Наверное, я увидела лишь небольшую часть «Белого Города», но то, что успела посмотреть, вызывало у меня тихий восторг. Я старалась избегать центральных улиц и современных проспектов, не ходила по большим магазинам и не ездила пока никуда за пределы города. Мне хватало «моего» Яффо, его узких улочек, сбегающих к морю, многовекового духа выдавших лучшие времена домов и улыбающихся людей, попадавших мне навстречу. Нет, я уже таки дважды была на центральном рынке, покупая свежие фрукты и овощи, но там царил дух совсем другого города. Многолюдный, шумный, кричащий, почти средневековый, какое-то вавилонское столпотворение рас, языков, обычаев и нравов. И удивительно тёплая атмосфера примирения, гостеприимства и дружелюбия. Мои дни проходили в активном ничегонеделании. Я много купалась в море, ещё больше читала, стараясь покупать книги на английском для улучшения языка и часто просто бродила по городу без определённой цели. Где-то ела, куда-то ходила пить кофе, иногда позволяла себе посидеть в кафе на пешеходной набережной с бокалом вина и смотреть, как рыбаки безнадежно пытаются что-то поймать.

Я не думала ни о чём, не строила планы, не загадывала на будущее и не планировала, что я буду делать дальше. Мне было легко. Я отпустила жизнь в свободное плавание.

Пару раз меня подвозил в город сын нашей хозяйки – сдержанный мужчина, как мне показалось слегка за сорок, с подтянутой фигурой и очень подвижными и выразительными глазами. Он действительно появлялся в пансионе не часто и всё как-то на бегу. А бывало, что я его не видела по несколько дней подряд. Госпожа Висташи рассказывала, что «мальчик» работает в одном страшно секретном и опасном месте, о котором она не имеет права говорить. Он вечно занят, вечно уставший, а иногда даже не ночует дома. Его неординарная манера одеваться напоминала странные наряды хиппи: какие-то рваные джинсы, старые заношенные футболки и извечный, даже в самую жару, обязательный клетчатый пиджак, по возрасту и степени изношенности наверняка старше своего хозяина. Позже я узнала, что в молодости Якоби служил армейским офицером в частях особого назначения, был серьёзно контужен во время военной операции. Затем его комиссовали, дали пенсию по ранению с выходным пособием, которое он вложил в реконструкцию отеля. Но мужчина не долго выдержал сидеть без дела и пошёл работать в уголовную полицию. И сейчас уже начальник отдела в звании майора. А пиджак предназначен был скрывать два пистолета, которые он всегда носил с собой на поясе. И ещё мне рассказали по большому секрету, что Якоби был женат на

богатой американке. Но она его бросила, когда он находился в госпитале после ранения, и забрав ребёнка, уехала в США. А он теперь очень скучает по дочери, которую удаётся увидеть не чаще раза в год. Если бы не обстоятельства, может быть я бы и обратила на него внимание, мужчина он был интересный и даже харизматичный, с умным взглядом, в нём чувствовалась скрытая мужская сила. Как раз мой вариант. Но эти мысли я отвергла сразу же, как невозможные. Да и Якоби, казалось, меня не замечал вовсе. Вежливо здоровался на бегу, дежурно спрашивал, не нужна ли помощь и, думается, абсолютно не воспринимал меня как женщину, даже не пытаясь со мной заговорить.

С моей радушной хозяйкой, госпожой Висташи, мы почти сдружились. Она действительно оказалась родом из восточной Европы, из Болгарии, но с венгерскими корнями. Её родители подростками успели бежать из страны в самом начале войны. Зато большинство из её родственников, в том числе бабушки и дедушки с обеих сторон не уехали и погибли в концлагерях на территории Польши. Она рассказывала, что Болгария – союзница гитлеровской Германии, по договору была обязана отдать на расправу еврейское население страны. Но воспротивились православная церковь и парламент. Она вспоминала, как трижды подгонялись к софийскому вокзалу эшелоны для отправки евреев в лагеря смерти, и трижды они уходили пустыми. И всё равно, власти страны при помощи специальных польских отрядов «решили» еврейский вопрос в Болгарии. Сама она родилась уже в Израиле, но память о Холокосте впитала с раннего детства. Когда она рассказывала об этом, у женщины каждый раз начинали дрожать руки и губы, выдавая её непреходящую боль за свой народ, за все шесть миллионов евреев, уничтоженных в годы войны.

Её муж ушёл из жизни несколько лет назад. Он был коренной израильтянин в каком-то там поколении, чуть ли не от сыновей Иакова. Его молодость выпала на беспокойные времена становления государства, и он участвовал практически во всех войнах за независимость страны. Они познакомились во время службы в армии, где Эливет проходила курсы младших медсестёр, а её будущий муж учился на танкиста. Вместе они прожили 55 лет, но в последнее время он сильно болел после тяжёлого ранения во время войны Судного дня. И где-то в Иерусалиме на одной из улиц есть даже памятная доска с его именем.

Эта пожилая дама была хорошей рассказчицей, а я любила и умела слушать. Иногда под воспоминания о её молодости и рассказы о стране мы засиживались далеко за полночь, потягивая рюмочку густой вишнёвой или сливовой наливки, которые она делала сама по старинному фамильному рецепту. Меня госпожа Висташи, наверное из деликатности, никогда ни о чём не расспрашивала, а сама я старалась не думать и не говорить о своих проблемах. Я позвонила домой, поговорила с мамой и сыном, успокоила, объяснила, что продлеваю отпуск и что у меня всё в порядке. Затем связалась по видео с мадам Воизон и обалдела от счастья, увидев своего Адама живым и лохматым, носящимся за Евой по дому. Я заплатила хозяйке отеля на 2 месяца вперёд и решила остаться в городе, планируя долгожданную поездку в Иерусалим. Туда я собиралась чуть не с первого дня, но всё не решалась, ждала момента, когда буду готова, и странно при этом волновалась, как перед свиданием с близким для меня человеком.

☆☆☆☆☆☆

Не знаю, почему, но я очень редко вижу сны. А если что-то и снится, то чаще в чёрно-белых расплывчатых тонах. И не припомню, чтобы сны были яркие и цветные. А уж толкование снов – так это вообще для меня тайна за семью печатями. Но странное дело, то ли под влиянием случившегося, то ли климат в этой стране особенный, а может близость к Б-гу на святой земле,

но мне стали сниться настоящие цветные сны, с диалогами, сюжетной линией и действующими лицами.

Расскажу об одном из них. Это где-то на юге Италии, а может в Африке. Я иду по дороге на вершину холма. Она ведёт к дому, его стены из крупного дикого камня и красновато-коричневая крыша, а вокруг него несколько стройных кипарисов. Дом ещё далеко, но я вижу все детали: расписные глиняные тарелки на стене у открытой настёжьи двери, стол с двумя плетёными стульями в тени высокого куста с яркими цветами и оливковую рощицу. Я в белом простом платье, солнце просвечивает его насквозь, ничего не скрывая, и мне весело от этого. Мои ноги утопают в мягкой ласковой пыли, она поднимается до щиколоток и оседает, не оставляя на ногах следа. Я не одна. Но его я не вижу, просто знаю, что он идёт рядом. Потом он догоняет меня, мы молча переглядываемся и улыбаемся – это разговор без слов. С нами наша собака – золотистый ретривер. Он то с лаем носится за большим яркими бабочками, то пытается поймать изумрудную ящерку. «Сэр Адам!» – кричим мы ему. Наши голоса не слышны, их заглушает шум моря, но пёс несётся со всех лап к нам, и пытается с ходу лизнуть меня в щёку. Я уворачиваюсь... и просыпаюсь... На моей щеке свернулся калачиком солнечный зайчик, а за окном шумит море...

Глава 5

– Знаете, когда мы, израильтяне, едем в Иерусалим, то на иврите говорим «поднимаемся в Иерусалим», то есть восходим до его уровня, – госпожа Висташи давала мне последние наставления, – и поезжайте лучше на автобусе. Потолкайтесь на вокзале, пообщайтесь с пассажирами, послушайте безлошадный Израиль.

И я отправилась на центральную городскую автостанцию Тель-Авива – маленький город в городе на нескольких уровнях и со своей особой атмосферой встреч и расставаний, присущей только вокзалам. Мне всегда грустно на вокзалах. Даже встречая кого-то, не могу отделаться от предвкушения будущего прощания. Меня уже давно перестали смущать бесконечные проверки моего рюкзака. Не только на вокзалах, но и на каждом входе, у каждой двери, практически везде охранники разных стран исхода и возрастов вежливо просили показать содержимое моего багажа. Я понимала – это так надо, в этой стране иначе нельзя. И принимала совершенно спокойно. Два часа «подъёма» к Иерусалиму в автобусе, шумно говорящем на всех языках мира, и мы попадаем в совсем другой Израиль. Иерусалим надо видеть. Его невозможно описать. Этот город с непростой историей и современными непримиримыми разногласиями надо принимать таким, какой он есть. В него или влюбляешься сразу и на всю жизнь, или не узнаешь и не поймёшь настоящего никогда. Ему не надо прихорашиваться или стараться понравиться. Он столько пережил и столько видел, что его уже ничем невозможно удивить. Как и обидеть принятием. Он живёт своей жизнью, примирительно принимая и прощая всё то, что делали с ним люди разных вероисповеданий на протяжении веков. Он может себе это позволить. И любит всех и каждого, кто считает, что город принадлежит только им и никому другому. Иерусалим просто живёт своей непростой и нескудной жизнью, сохраняя достоинство и спокойствие. Иерусалим – город мира, разделённый и единый. Приехав, я села на автобус, идущий через центр к старому городу. Его путь проходил мимо рыночной площади, и я не могла не сделать небольшую паузу. Хотите узнать город получше, идите на самый большой базар.

Там есть всё. Люди, страны, обычаи. Любовь и страсть, горе и радость, победы и поражения, порядочность и бессердечие. Человеческое бытие во всех своих разноцветных проявлениях. И конечно же вкуснейшая еда. Общая кухня в коммунальной квартире мира. Я остановилась у лавочки молодого арабского парня, делающего сок из фруктов прямо на глазах, заказала свежий гранатовый сок, красный и густой как кровь. Сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Неповторимо и незабываемо вкусно. Я так и шла со стаканчиком сока через незнакомые кварталы и узкие улочки почти наугад, взяв за ориентир видимые издали стены Старого города. Мне не надо было выбирать дорогу к центру. В какой-то момент человеческий поток, подхвативший меня, внёс через Яффские ворота прямо к моей цели в еврейском квартале. И вот я на месте, на площади. По мере приближения к Стене Плача не покидает ощущение нереальности происходящего. Все эти толпы людей, бесконечные фотографии на телефон, шум, смех. Ну, не может это быть той самой долгожданной встречи с Ним! Но чем ближе я подхожу к месту, тем меньше замечаю происходящее вокруг. И уже у Стены я останусь одна. Наедине с Ним. И никого вокруг. Хочется плакать, но не могу. Жалко себя до спазма в горле, до невозможности нормально дышать. Но я не плачу. Я стою, закрыв глаза, прислонившись головой к тёплому камню. Почему, за что, отчего я? Даже не спрашиваю, скорее сама ищу ответы на эти вопросы, перебирая события всей своей жизни.

Сколько я так простояла, не знаю, но придя в себя, снова начинаю замечать происходящее вокруг. Опять шум, гам, туристы. Оказывается, это так интересно – наблюдать за людьми, пришедшими сюда. Всем хочется поговорить с Ним? Или это обязательная программа? Вот женщина, притащившая упирающуюся маленькую дочь на встречу с Б-гом. Или эта компания шумных разодетых азиаток, внезапно притихших возле Стены. А вот незаметно плачущая пожилая женщина в парике, явно израильтянка, шепчет Ему слова молитвы. Наверное, просит за своих близких, может за детей. Даже женский полицейский патруль, проходя мимо, касается пальцами стены. О чём они просят Б-га, известно только им и Ему. Чтобы вложить послание, надо тянуться совсем высоко, мест практически нет. Бесконечные желания вечных евреев... Я долго раздумывала, положить ли мне записку и что в ней написать. И решила попросить Его не о себе. Со мной, похоже, всё окончательно решено. Я попросила за сына, за маму, за свою собаку и даже за бывшего мужа, сама не знаю почему. Может быть это все те, кого я люблю?

Путь по арабскому кварталу – запутанному, шумному, торгующему, уставшему от нескончаемых расспросов «как куда пройти», и вот я уже возле Храма Гроба Господня. Я не хочу, у меня нет душевных сил подниматься на Голгофу, мне хватает её теперь и в жизни. Я смотрю на людей, всё ещё верящих в Б-га, и ухожу. Мне обидно, что он со мной так поступил, я не заслужила. Я пытаюсь сдерживать внезапно нахлынувшие слёзы и плетусь за какой-то французской группой, услышав знакомый родной язык. Назад я еду специально другим маршрутом через весь город, через окраины – хочется подышать их воздухом, послушать голос его жителей, потолкаться в человеческих пробках, увидеть не только исторически-парадную, но и повседневную сторону непростой жизни столицы Мира. Автобус приходится брать штурмом – пятница, последний рейс перед шабатом. И уже в дороге я вдруг почувствовала, как сильно устала и хочу «домой» в Тель-Авив. Как успела соскучиться за своим маленьким уютным и спокойным мирком, окружавшим меня последние дни. И уже подъезжая к отелю меня внезапно охватило необъяснимое предчувствие беды. Чего-то непоправимо-страшного. Но не со мной, а с кем-то из близких.

Ваш доктор Шавевич